

«Мне знакомо это чувство – на коне!»

28 февраля 1962 года родился сын, его назвали в честь отца Егором. Хабаровская подруга Лена Косова вспоминала первые счастливые дни Римминого материнства. По просьбе поэтессы, Лена из Киева, где она поселилась после Хабаровска, приехала в Москву. *«Римуля была ещё в роддоме, – вспоминала Лена. – Мы с Радовым пошли её навестить. Она стояла у окна растерянная, одинокая. А мы под окном – весёлые, радостные. Она помахала нам рукой, послала воздушный поцелуй и крикнула через форточку: “Куда вы?” Георгий ответил: “В Дом литераторов”. На улице был сильный мороз, холодно, и, постояв минут пятнадцать-двадцать, мы ушли».* После выписки Казаковой из больницы Лена прожила у неё две недели. *«Когда приехали из роддома, развернули пелёночки, все увидели рыжего, рыжего малыша, и мы с Римулей в один голос: “Федя Казаков!” – так он был похож на дедушку».* С годами сын рос и всё больше походил на отца – Ра-

---

² Продолжение. Начало см. «На русских просторах» № 2 (29) 2017 г., № 3 (30) 2017.

дова старшего. Лена помогала молодой матери, показывала, как пеленать, вместе купали, обрезали первые ноготки, учила поэтессу ухаживать за сыном. *«Эти две недели нам было тепло, хорошо и столько радости»*, – вспоминала подруга. У Риммы – новое для неё материнское состояние, и она писала: *«У меня изменился характер, я стала добрее, спокойнее»*. Написала нежные стихи: *«Родился сын – пылиночка, лобастенький, горластенный, горит его пелёночка, – видна во всех галактиках...»*.

В этом году произошло ещё одно важное событие: Казакова появилась перед требовательной московской публикой в Политехническом музее. Её пригласили участвовать в съёмках фильма Марлена Хуциева «Застава Ильича». Там она увидела Евгения Евтушенко, Булата Окуджаву, Беллу Ахмадулину, Роберта Рождественского, Андрея Вознесенского. Они сидели на сцене, за столом, откинувшись на спинки стульев; кое-кто курил. Хуциев предложил, обращаясь к молодой поэтессе: *«Давайте я вас представлю зрителям»*. И объявил: *«Поэтесса Римма Казакова»*. Казакова вспоминала: *«Я вся зарделась от робости и волнения. Я встаю и кланяюсь зрителям, и все мне хлопают»*. Потом Хуциев представил по имени отчеству всех сидящих поэтов на сцене, но никто из них не вставал и не кланялся, а только ухмылялись и небрежно кивали головой. *«Я подумала: ну, какая же я дура, провинциалка. Я кланяюсь, а они и не думают делать это. Наверное, и мне надо бы вести себя так же»*.

В течение трёх дней писательница приезжала на съёмки из Переделкина на электричке в непогоду, *«в чулках, забрызганных грязью»*, и казалась себе невзрачной простушкой. *«Такая комсомолочка со значком. Не то, что, например, Белла Ахмадулина – всегда в вуалетках, с мушкой на щеке, экстравагантная. Она тогда была женой Юрия Нагибина, и он привозил её на машине. На ней была куртка из телячьей замши, на ногах – туфли на микропорке. В общем – она была красавица, богиня, ангел. Я ей не завидовала, я очень любила её стихи, признавала её первенство и думала, что мне во всём до неё далеко»*. Но однажды Казакова попросила Хуциева отпустить её со съёмки. Хуциев сказал: *«Что, и стихи читать не будете?»*. Она ответила: *«Я не успеваю, надо кормить ребёнка»*. Хуциев обратился в зал: *«Римма просит отпустить её»*. Кто-то крикнул: *«Нет! Стихи, мы хотим слушать её стихи!»*. И она выступила, причём, с таким большим успехом, которого не ожидала. Не просто аплодисменты – овации... *«И тогда я как-то обнадёжилась относительно своей поэзии и самой себя. Я начала понимать, что надо быть самой собой. У меня свой читатель, своя ниша в поэзии»*.

Её появление в Москве заметили любители поэзии. Поэт Кирилл Ковальджи писал в своём очерке: *«Имя Риммы Казаковой неотделимо от лёгкой ауры легендарности. Ворвалась в шумную компанию шестидесятников откуда-то с Дальнего Востока, произвела фурор: молодая, красивая, заводная, талантливая – чёрт в юбке. Кажется, успех пришёл к ней сразу – её окатило жаркой волной тогдашней всеобщей любви к поэзии. И на гребне этой горячей волны она чувствовала себя, как рыба в воде. Лёгкая на подъём, весёлая, щедрая, неистощимая. И не без привкуса авантюристичности. Её победоносное счастливое самоутверждение сродни евтушенковскому – оно совпало с мироощущением первого послесталинского молодого поколения. Стихи Риммы Казаковой звенели – отличимо-личные, узнаваемые и одновременно – поколенческие, наши, шестидесятнические. А это – никто теперь отрицать не может – долговременный заряд. Римма выстрадала полное право сказать: «И многое в жизни смею, / И с этой звездой во лбу, / Как целый народ, имею / Историю и судьбу».* Явление молодой писательницы отразилось и в стихах Ковальджи: *«Эта женщина с Амура / Нас сумела покорить. / Сердце не литература, / А призвание любить. / Век двадцатый застолбила, / словно рифму, за собой, / Колобродила, любила / И летала над землёй. / Как с подружкой – на пирушке, / А с подонком – как метель... / Эта женщина, как Пушкин, / может вызвать на дуэль».* Кирилл Владимирович вспоминал об отзывчивости молодой поэтессы, почему-то захотевшей написать рецензию для «Литературной газеты» на его, как он сам выразился, *«худосочную, скверно изданную книжечку стихотворений»* (речь шла о книге, вышедшей в 1961 году в Кишинёве). Поэт подумал, что рецензия так и останется обещанием, так как в редакции ему сообщили: *«Ей сейчас не до того. Она на днях родить должна».* Но Казакова слово сдержала и отправила отзыв в газету. Ковальджи отметил: *«Раз обещала, то исполнила. Характер!».*

После окончания съёмки Марлен Хуциев решил показать фрагменты будущего фильма. Перед показом он сказал: «Может, вам и не понравится, а кому-то будет неудобно за себя». Римма вспоминала: *«Шла на просмотр с тревожным чувством, а после слов Хуциева подумала: “Ну, это – про меня. Сейчас он покажет, где я кланяюсь, как дура”*». Но на экране всё выглядело иначе. *«Я увидела скромную, застенчивую девочку, которая встаёт и просто кланяется читателю... И это выглядит вполне уместно. Я успокоилась и поняла, что дорога к читателю на самом деле*

непростая». В кинодокументе Казакова выглядела совсем не так чопорно, как её опытные, знающие себе цену коллеги. Вообще, от застенчивости молодая поэтесса порой становилась или излишне молчаливой, или чрезмерно громогласной. Заметив её волнение перед публичным выступлением, сатирик-пародист А. Иванов спросил: *«Слушай, ты так нервничаешь перед выступлением, ты так боишься выходить на сцену. Зачем тогда ты этим занимаешься?»* Но Римма умела за себя постоять. Она ответила ему довольно резко: *«А если ты так не нервничаешь, так спокоен перед выступлениями, зачем ты тогда этим занимаешься?»*. Решайте сами, за кем в этой пикировке – правда.

После рождения сына Радов стал реже выпивать, и поэтесса сообщала подруге: *«Раньше он много пил, а сейчас – ангел по сравнению с тем, что было тогда»*. Муж упорно работает, и в серии «Писатель и время» издаёт два сборника рассказов «После Белгорода» и «Человек на службе».

В 1962 году в издательстве «Советская Россия» вышел небольшой сборник Казаковой «Стихи» тиражом 20 тысяч экземпляров, словно подарок к рождению сына. При регистрации брака с Радовым Римма Фёдоровна оставила свою фамилию. Им обещали квартиру на Ленинском проспекте. Это давало возможность вызвать маму из Ленинграда помочь в воспитании сына, а пока Римма брала на год академический отпуск на Высших литературных курсах.

«Стихи» – третий сборник Риммы Казаковой. Автора не оставляет память о Дальнем Востоке и о войне, об этом говорят стихотворения «Стланик», «Тайга», «Ночлег», «Проклинали войну, хоронили бойцов», «Мы были там, где убивали Зою» и другие. Основная часть сборника – новые произведения.

Писательница откликнулась на полёт Юрия Гагарина в космос 12 апреля 1961 года: *«Мы люди, мы наследники тех первых, / что мастерили крылья в птичьих перьях / и прыгали с высоких колоколен... / Такой у нас, людей, могучий корень»*. В сборнике встречаем стихотворения, посвящённые её новым друзьям: Андрею Вознесенскому («Подмастерье») и Евгению Евтушенко («В клубе плачет старый партизан...»). Лирическое прощальное стихотворение, возможно, связано с Даниилом Граниным, с поездом, с дорогой, безвозвратно уносящей её из прошлого: *«До свиданья, мой не придуманный! / Был ты правдою или сном? / Хлопья снега, как белые турманы, / кувыркаются за окном. / Что-то вздрагивает, потрескивает. / А в вагоне уже темно...»*

/ Я пишу тебе очень женское, / очень ласковое письмо... / Очень скоро поезд расстанется / с этим зимним пасмурным днём. / Я прошу тебя, пусть останется / что-нибудь на память о нём.». Ещё одно такое обращение прочитывается в стихотворении: «Приснись мне, а то я тебя забываю».

Целый ряд стихотворений проникнут новыми мыслями. И здесь мы встречаем какое-то иное осмысление любви: «Люби меня застенчиво, боязно люби, / словно мы повенчаны Богом и людьми». «Любовь моя, опять ты – как на фронте. / Чистый голос – воздухом в чаду. / Вы только сами яму мне не ройте, / Уж коль паду, то, как боец, паду». Что это? Предчувствие будущего расставания с мужем? Может быть...

На вопросы о сущности поэзии писательница часто отвечала вот этими своими строчками: «Поэзия – мужичье дело, / воловий труд, солёный пот. / Зачем же Орлеанской девой / в поэты девочка идёт?». Финал произведения звучит так: «Светло, доверчиво и гордо в поэты девочка идёт». Римма Казакова начинала осознавать трудности избранного пути, и в ней рождалась твёрдая решимость по нему следовать. Думается, и «битва» с алкоголизмом мужа также входила для неё в число необходимых испытаний.

Стихотворение пророческое... Доброжелательным вниманием сборник с простым названием «Стихи» отметил Ярослав Смеляков, поэт горькой судьбы. Он написал небольшую рецензию, подчеркнув ряд достоинств, присущих только поэзии Риммы Казаковой. Для поэтессы – важно получить публичное одобрение от одного из лучших поэтов старшего поколения. Приведём фрагмент: «Римма Казакова недавно выпустила в издательстве “Советская Россия” третью книжку стихотворений. Казакова работает в направлении, очень близком группе молодых поэтов, о которых я говорил выше. (Он говорил о Б. Ахмадулиной, А. Вознесенском и Е. Евтушенко. – Примечание Т. В., Л. З.). У неё новая рифма, разнообразие ритмов и размеров. Иногда на страницах её книжек звучат прямые интонации Евтушенко. Иногда появляются строки порядка Вознесенского, если так можно сказать. Но это – ни в коем случае не заимствование, не подражание, а сотворчество. В её книге есть много стихотворений, которые присущи только ей, от начала до конца. У неё своеобразный голос, своя тематика, своё отношение к миру. Хочется отметить её книжку за то, что в ней есть лирические образы людей нашей страны, человеческие характеры. Это особенно важно потому, что многие наши молодые поэты только и дела-

ют, что раскрывают свою душу, делятся своими интимными переживаниями».

Отзыв Смелякова был дорог поэтессе. И он – не единственный. Новые стихи поэтессы вызвали полемику в писательском сообществе. Свидетельство этому – большая статья Ю. Барабаша «Строгая щедрость» в одном из сентябрьских номеров «Литературной газеты» за 1962-й год. Он рассуждает так: *«В моём представлении новый сборник Риммы Казаковой во многом книга – спор, книга – полемика»*. Критик усматривает подтверждение своим мыслям в самом названии книги: *«Нужна большая и спокойная вера в силу поэтического слова, нужна изрядная доля смелости... дать своей книге такое простое и обыденное название – “Стихи”»*. Он видит силу этих стихов *«в ясности духовного облика лирического героя. Ясности его жизненной цели и взгляда на мир»*. Сборник Риммы Казаковой населяют *«настоящие люди. Их есть, за что уважать»*. Автор рассматривает разные стороны спора Казаковой с поэтами-современниками и утверждает, что это лирика гражданского звучания. Простота и ясность относится не только к облику героев лирики, но и к *«форме самого стиха»*, а форма эта *«строга и традиционна. Стиховая ткань крепка и добротна. Композиция строго подчинена внутреннему развитию лирического мотива»*. Критик желает поэтессе, чтобы *«через много лет и через много книг – в главном она оставалась сама собой. Чтобы поэтесса по-прежнему могла, как сегодня, сказать: “От первого лепета до последнего дня, / у меня, как у лебедя, песня одна”»*.

В апреле 1963 года в статье С. Шаховского «Вровень с веком» заходит речь о тонах и полутонах в поэзии. Автор цитирует Казакову: *«Полуправдой, полуложью / половинчатость страшна. / Это верно. Только все же / Я люблю полутона»*. Автор: *«Полутона – согласен. Но не полувыводы, полурешения, полуопределённость – всё то, что невольно вытекает из этой мысли»*. А дальше Шаховский подчёркивает, что для творчества поэтессы это *«не характерно»*.

В полемику о назначении поэзии включился литературовед, сотрудник «Литературной газеты», Геннадий Красухин. В статье «Поэтическая летопись времени», делая обзор новых поэтических книг, он высказывается: *«Поэзия – один из самых чутких нервов искусства. Идти в ногу со временем – значит улавливать и передавать настроение целого народа, жить его чаяниями и интересами»*. В качестве положительного примера Красухин приводит произведения Казаковой, которая, по его выражению, стихами *«встаёт на пути всему чуждому, вредоносному, лживому»*.

«Приподнимите планочку, я прыгну чуть повыше...»

В мае 1964 года Казакова жила в Переделкине и готовила к изданию новый сборник. Университетская подруга прилетела из Якутии на несколько дней в Москву, и писательница пригласила её в гости. В тот год во второй половине мая стояла хорошая погода. Когда подруги договаривались о встрече, поэтесса предупредила: в Доме творчества живёт Михаил Аркадьевич Светлов, и они обедают за одним столом.

Московский художник Анатолий Елисеев в книге «Зарницы памяти» (2016 г.) живо вспоминает Светлова, с которым часто встречался в те годы: *«Одна его репутация неисчерпаемого остроумца настраивала на весёлый лад. В невесомом тельце (сам он его называл теловычитанием) работал как завод – производитель шуток. И эти шутки-анекдоты преподносил он не как торт на именины, а высыпал их на стол, будто завалившуюся мелочь из кармана. Сам редко смеялся, но живым глазом на безразличном лице довольно поглядывал, как хохочет, заливаясь застолье. Иногда он затевал азартные словесные игры. Папаха – мамаха, папоротник – маморотник: кто найдет больше родительских подобий. Морщинистый шалун. Без злобы, без аппетита к жизни, без жажды высветиться. Его даже самые весёлые шутки, казалось, были покрыты патиной грусти. Как-то я со стороны, с другого конца зала, увидел Михаила Аркадьевича в лихой компании литераторов... Светлов сидел как-то бочком, не совсем за столом. Не ел. Небрежно ронял шутки... казался одиноким чужаком, случайно забредшим в этот ресторанный зал, осенним скрюченным листочком, прилепившимся к краешку стола. Он, чужак, здесь просто убивает время, ожидая, что вот-вот распахнутся двери, появится ослепительная стюардесса и объявит: “Ваш вылет”. Он согласно кивнёт, грустно улыбнётся, встанет с трудом и худеньким крючочком зашаркает, покачиваясь, за сверкающей проводницей. Там он расправит плечи, вздохнет полной грудью и легко взбежит на трап».*

При первом знакомстве Светлов любил всех разыгрывать. Таисия надела яркое летнее платье, сделала в парикмахерской причёску; из густых седых волос – начёс по тогдашней моде. В день приезда поспешили в писательскую столовую: Казакова – впереди, подруга – за ней, молодая и седая. Михаил Светлов уже сидел за столом, приветливо приподнялся навстречу, развёл руками и воскликнул: *«Старуха! Где ты пропадала? Я тебя так*

давно не видел!». Гая сразу нашлась: «Конечно, Михаил Аркадьевич, с гражданской... Помните, в последнем бою я подносила вам патроны к пулемёту?». Он заулыбался и добавил: «Ну и ловкая ты была», – и рассмеялся. За первым обедом Светлов наклонился к Гая и заговорщицки прошептал: «Я тебе по утрам буду давать растворимый кофе. У них ни у кого нет, а ты заслужила». В те годы о существовании такого кофе мы только слышали. Дефицит!

Подруга тогда не знала, что и молодую писательницу при первом знакомстве поэт тоже встретил розыгрышем. Это произошло в 1959 году в Ленинграде, где Казакова участвовала во Всесоюзной поэтической дискуссии и выступала вместе с ним на одной площадке. Тогда она впервые вышла на сцену филармонии с корифеями отечественной поэзии Михаилом Светловым и Ольгой Берггольц. «После вечера, – вспоминала Римма Фёдоровна в 2003 году, в год столетия Светлова, – он подошёл ко мне, подарил мне книжку и посоветовал: “Обрати внимание, старуха, я тут написал: «Римме Казаковой, кажется, очень талантливой!» Я сказала: “Михаил Аркадьевич, вы меня и огорчаете, и радуете: вы написали «кажется», но и «очень талантливой!» Он засмеялся, потому что я вошла в систему его игры. От Светлова никогда не было никаких похвал, но его жизнь всё время присутствовала в моей жизни».

Казакова считала: две встречи повлияли на её творческую жизнь. Первая произошла ещё в 1957 году, когда молодая поэтесса, приехав в командировку в Москву, пришла в Дом литераторов, и писатель Радий Фиш представил её Светлову: «Вот девочка, которая живёт на Дальнем Востоке и пишет стихи!». «Светлов ласково обратился ко мне, – вспоминала Римма Фёдоровна. – “Старуха, прочти что-нибудь покороче!” Я прочла стихотворение из трёх строк. Светлов раздумчиво пожевал губами и сказал: “А теперь переверни”. “Как это?” “Какая непонятливая! Прочти всё наоборот – то, что было в конце, пусть будет в начале!” Я быстренько прочла стихи задом наперёд. Светлов сказал: “Ты знаешь, всё равно плохо!” Я была поражена в самое сердце. Урок мастера!» В тот вечер писатели-фронтовики пели военные песни. Молодая поэтесса их тоже знала и любила и, как человек компанейский, осмелела и начала подпевать. Светлов положил ей руку на плечо и сказал: «“Старуха, у тебя неплохо получается! Может, тебе лучше в хор Пятницкого податься?” Во всём, что касалось профессии, Светлов оставался суровым и жёстким, а ещё – очень чутким и внимательным».

Когда через три года Светлов дал её стихам высокую оценку, Казакова поняла: первый урок не прошёл даром. Она продвинулась в освоении поэтического ремесла: «кажется, очень талантливой...», слово «кажется» обязывало её двигаться вперёд.

Однажды Светлов попросил её устроить поэтический вечер. *«Он сидел в кресле и слушал меня, не говоря никаких громких слов»*. А во время прогулки по территории попросил что-нибудь прочесть. Поэтесса выдала маленькое стихотворение, а он заметил: это песня. Потом объяснил своей ученице, чем песня отличается от стихов: в ней словам должно быть более просторно, между словами должно быть расстояние. Тогда Казакова прочла стихотворение «Песенка о парусе», которое вскоре посвятила М.А. Светлову. В 1990-е годы известный бард Сергей Никитин написал на стихи Казаковой музыку и с успехом исполнял под гитару песню «Парус».

После кончины поэта у поэтессы состоялась заочная встреча со Светловым. Ей позвонили из театра имени Гоголя. Светлов писал песни для какого-то спектакля, но одну не успел закончить. Её спросили: не может ли она сочинить песню в его стилистике? Римма согласилась и постаралась стилизовать текст в светловском духе: *«От рассвета до заката, / с перерывом на обед на полчаса, / ах, ребята, ребята, ребята, / ах, ребята, происходят чудеса!»*

«У меня всегда было ощущение чуда от общения с ним, – написала Римма Фёдоровна в конце воспоминаний о Михаиле Аркадьевиче. – Он когда-то написал про “утверждающее начало, отрицающее финал”, так оно и оказалось в жизни. Это, думаю, наиболее правильная позиция. Всё тупиковое, окончательно печальное не присуще человечеству. Человек – радостное дитя Природы, и, когда сегодня люди читают стихи Светлова, в них побеждает это радостное начало. В этом его огромная заслуга перед людьми, перед словом, перед литературой».

Знакомство с М.А. Светловым стало для подруги Казаковой щедрым подарком судьбы. Молодые женщины знали: смертельно больной поэт находится под наблюдением врачей и спит на специальной кровати, его не выпускают за пределы территории Дома творчества. О поездке в Москву не могло быть и речи. Когда поэта навещали знакомые, он со свойственным ему юмором спрашивал гостя: *«Надеюсь, ты пиво мне привёз?»*. Гость оторопело признавался: *«Нет. Я не знал, что вы хотите пива»*. *«Эх ты! А у меня уже есть раки!»* – упрекал его Светлов. Поэт страдал последней стадией рака легких, и в его комнате на втором этаже гостей встречали кислородные подушки, баллон. Неунывающий больной

за завтраком обратился к подругам: «Мне Вася Шукшин прислал приглашение на премьеру своего фильма “Живёт такой парень”. Вася чертовски талантлив, и я его люблю. Премьера будет завтра, в пятнадцать часов, в Большом зале Дома литераторов. Я знаю, как мне удрать от запретов и врачей, и прошу вас помочь мне осуществить мой гениальный план». Подруги заволновались: «Как помочь? Что делать?» Светлов объяснил: «Завтра сразу же после обеда в 13-30 вы подгоняете к забору с другой стороны здания машину такси. Я там, в заборе, вчера нашёл хорошую дыру... Мы садимся в машину и все едем в Москву. После просмотра возвращаемся опять же на такси. Я за всё плачу».

План подруги осуществили блестяще: их не поймали, не остановили, и они уехали в столицу. Прибыли в Дом литераторов. Михаил Аркадьевич просит Таю: «Ты меня не бросай, а то Римму сейчас знакомые окружают, и она уйдёт, а я буду держаться за тебя». Идёт еле-еле, держа спутницу под руку и опираясь на палку, которую вдруг роняет... Тая немедленно наклонилась, подала ему палку, он поблагодарил и сказал: «Старуха, выходи за меня замуж. Обязанности у тебя будут простые – вот будешь мне иногда подавать палку». Тая ответила на полном серьёзе: «Это дело надо обдумать...» – «А чего думать-то? Соглашайся». В это время их окружил народ, и они стали подниматься по лестнице в Большой зал. Шли чрезвычайно медленно, но добрались и сели где-то в восьмом или девятом ряду. Светлов совершил подвиг, поднявшись, а после фильма спустившись, по лестнице ЦДЛ. Когда прошли последние титры фильма и все вышли в фойе, к Светлову подошёл Василий Макарович Шукшин с актёром, исполнителем главной роли – Леонидом Куравлёвым. Светлов восторженно похвалил фильм, обнял и поздравил Шукшина, и нас пригласили в ресторан. Столы накрыли буквой «П»: тамада – знаменитый спортсмен Николай Петрович Старостин. Михаил Аркадьевич попросил посадить себя и спутниц около выхода. Начались тосты, поздравления; народ закурил и зашумел. Мы посидели за столом полчаса, и Михаил Аркадьевич предложил: «Старуха, давай уезжать, а то мне сил не хватит добраться до постели. Иди на площадь, там стоянка такси, только не говори, что ехать до Переделкина. Таксист может отказаться. Скажи, что надо друзей забрать из Дома литераторов, а там скажем, куда нам ехать».

Минут через двадцать такси подъехало к Дому литераторов, Казакова со Светловым уже стояли на улице. Михаил Аркадьевич сел на переднее сидение и велел шофёру: «Вези в Передел-

кино». Шофёр стал возмущаться, а Светлов возразил: *«Не шуми! Я плачу тебе в оба конца. А потом – имей в виду: будешь хвастаться, что ты последний раз вёз на такси из Москвы знаменитого поэта Михаила Светлова»*. В дороге поэту стало дурно, подруги пытались развлечь его чтением стихов – его и Казаковой. Он попросил попеть, что они и сделали, даже «Каховку» исполнили. Доехали благополучно. А в Переделкине царил переполох. На подруг накинулись: *«Как вы могли такое сделать!»*. Слабым голосом Светлов защищал девушек. Эта ночь для него была тяжёлой, к завтраку он не вышел. На следующий день подруга уезжала и решила посоветоваться с поэтессой, как ей попрощаться с поэтом. В ту пору буйно цвела сирень – на дворе стояла вторая половина мая. Подруги пошли на станцию: рядом с перроном обычно продавали пахучие ветки. Купили полную корзину.

С охапкой сирени они робко постучались к Светлову. Слабый голос ответил: *«Да»*. Поэт полулежал на кровати с высоким подголовником, увидев подруг, обрадовался, спросил: *«Вас не арестовали?»*. Шутил, а выглядел плохо. Подруга прощалась, пожелала здоровья, а потом она наклонилась и поцеловала беспомощную руку поэта. Таисия улетела в Якутию, в город Мирный, а через несколько дней, в начале июня, пришло горестное сообщение: скончался Михаил Аркадьевич Светлов. Таисия горевала и вспоминала дни общения с поэтом. Казакова оставалась в Переделкине со Светловым до самой его кончины и участвовала в похоронах.

1963 и 1964 годы проходили в заботах о малыше, в преодолении бытовых трудностей. Римма Фёдоровна окончила Высшие литературные курсы, писала стихи, готовила к изданию новую книгу. В письме в 1964 году она писала: *«Лето мы с Егоркой провели в Анапе. Просто жили, а у папы снимался фильм по его сценарию “Мать и мачеха”. В начале 1965 года он должен появиться на экранах. Я написала две песни к этому фильму, но одну, кажется, вырежут. (Она – блатная, как просил режиссёр)»*. Казакова сообщила: работает в редакции журнала «Смена» членом редколлегии, курирующим поэзию.

Семья, наконец-то, получила квартиру на Ленинском проспекте – две комнаты на пятом этаже, без лифта: *«Теперь уж обязательно, как будете ехать, останавливайтесь только у нас. Места хватит»*. В квартире этой действительно, по словам Риммы, было уютно: *«Мы жили в этом доме, как в хорошей коммуналке. Одалживали у соседей то раскладушку, то три рубля на хлеб. Жили дружно, как сёстры и братья. Ходили в гости друг к дру-*

гу». В том же письме она рассказывала: огорчения от неадекватного поведения мужа иногда вводили её в ступор. В августе 1965 года дома собрались отмечать пятидесятилетие Георгия Георгиевича. Он пригласил на юбилей и первую жену. Хозяйка не возражала, но перед торжественным обедом муж её предупредил: «Я с ней прожил больше, чем с тобой, поэтому с ней и буду сидеть за столом». Римма с горечью потом замечала: «Мы и любовь с ним понимали по-разному. Он разрушал то, что тлело».

У писательницы появилась возможность больше заниматься творчеством, работой в редакции журнала, выступать перед читателями: сыну нашли надёжную няню – Ульяну Андреевну. Эта женщина вырастила детей Радова от первого брака и согласилась пестовать третьего ребёнка писателя. Работящая русская женщина родом из Курской области стала преданным помощником и хорошей хозяйкой в доме. В архиве мы нашли тёплый рассказ Риммы Фёдоровны о няне: «Няня Уля ушла из жизни в семьдесят два года от внезапной и неожиданной болезни. И только после её смерти я всё больше и больше стала понимать, чем она была для меня и моей семьи. Простая курская крестьянка, которую по-настоящему читать и писать научил мой сын, когда пошёл в школу. Она обладала здравомыслием, трудолюбием, твёрдыми нравственными понятиями, чувством юмора. Она прожила двадцать пять лет в моём доме и, в конце концов, стала полной хозяйкой дома, домоправительницей, кормилицей, воспитательницей его взрослых и юных обитателей».

Казакова приводит точные оценки, мудрые советы и шутки Ульяны Андреевны. Возвращается Радов из командировки, «крупный, громкий, заполняющий собой пространство, живущий в нём ярко, почти гротескно. Отворяет дверь квартиры и сходу бросает ждущей нас – руки в бока – Ульяне Андреевне: “Уля! Устал! Ох, устал”. Ульяна невозмутимо, зная натуру хозяина, принимает игровой пасс: “Устали! К’рыльями, что ль, махали? Это самолёт устал!” “Скажите, Римма Фёдоровна! Вот вы много ездите в заграницу. Как там собачки гавкают? Гав-гав? А кошки как мяукают? Мяу-мяу? Ну, так что же люди-то на разных языках говорят? Вы, как хотите, но я этого не понимаю!” Обсуждают телевизионные передачи. Ульяна говорит, что про войну не любит. “Я люблю Шукшина и Ахмадулину”. Римма: “Уля, вот вы вчера смотрели выступление Беллы Ахмадулиной по телевизору. Но скажите честно, ведь непонятно вам было?” “Непонятно, – с чувством собственного

достоинства отвечает Ульяна, – зато, как красиво! Вы так не можете”. И пошла на кухню, а я чуть не зарыдала оттого, что так не могу». Ульяна Андреевна скончалась в 1987 году и была похоронена Риммой как родной человек.

В 1964 году в одном из июньских номеров «Литературной газеты» с обзором «Стихи в мае» выступил секретарь Союза писателей, поэт военного поколения Сергей Наровчатов. Строгий ценитель, он отмечает вышедшие книги поэтов М. Светлова и М. Львова, рассматривает цикл стихов молодого Ф. Искандера. Среди достоинств усматривает и недостатки. В конце статьи следуют несколько слов о последних стихах Р. Казаковой. Говорится, что у Казаковой вышли в «Юности» *«интересные стихи, среди которых есть такие проникновенные, как “Мои учителя – поэты” и “В сорок втором”*. Но рядом с ними – по законам прозы написана *“Рыбалка”*». Наровчатов упрекает: *«Поэтесса рассказывает, причём не очень экономно, то, что можно было бы нарисовать двумя-тремя мазками»*.

Неожиданно для писательницы в «Литературной газете» от 11 июля 1964 года появилась статья главного редактора С.С. Смирнова: «Ответ критикам из “Вэнь и Бао”». Осенью 1963 года Смирнов в составе делегации посетил Китай и много полемизировал с китайскими журналистами и писателями. В литературном журнале «Вэнь и Бао» опубликовали критическую статью главного редактора Чжан Гуан-Няня, в которой *«нарочито искажались факты советской литературной действительности»*. Развивая мысли главреда, журналист Ли Чжи пишет статью «О потерянном поколении», где обвиняет советских поэтов в занятии враждебной народу позиции. Называются имена, прежде всего, поэтесс Риммы Казаковой и Светланы Евсеевой. Взяв в доказательство стихотворение Казаковой «Люби меня застенчиво», автор представляет его *«как образец порнографической поэзии»* и абсолютно серьёзно восклицает: *«Казакова требует, чтобы мужчина любил её безумно!»* На этом и других примерах из поэзии шестидесятников китайский журналист основывает доводы о *«безнравственности молодой советской поэзии»*. *«Вслед за разоблачениями Р. Казаковой, – пишет Смирнов, – как проповедницы “эротики” и “разврата”, следует обвинение руководителей КПСС»,* так как они *«с восхищением отзываются о поэтах, подобных Казаковой, называя их талантами»*. Китайский критик уверяет: эта поддержка партии делает голоса поэтов: Евтушенко, Ахмадулиной, Вознесенского – *«всё громче»*. Смирнов обвиняет критиков жур-

нала в подтасовке, недобросовестности, нарочитой предвзятости. Он называет их «ханжами» и «фальшивыми моралистами». Вот так Китай вползал в свою «культурную революцию».

В 1965 году в московском издательстве «Советский писатель» вышел очередной сборник стихов Казаковой под необычным названием «Пятницы». Название сборнику дало стихотворение, которое начинается со слов: «Родилась я в пятницу». В народе говорят: «пятница – развилье, раздорожье». В сборнике – пятьдесят три стихотворения. Судя по его содержанию, автора не отпускал Дальний Восток. Казакова вспоминала рыбалку на Уссури и замечательных людей, живущих на этих просторах. Она вновь включила в книгу одно из лучших своих стихотворений: «Я уезжаю. Мучает, морочит / дорога. И пророчит, и пророчит. / Мороженые яблоки в Могоче – / коричневые, ржавые на вкус. / И ржавый дым. И рыжих сопок ржавость. / И жадность, и восторженность, и жалость – / как одинокий придорожный куст...». Поэтесса с сожалением расстаётся с местами, где горевала и задыхалась от счастья, и с теми, кто пророчил трудности новой жизни: куда ты едешь, у нас в глуши ты – первая! Но решение её твёрдо: «Прощай, мой берег, мой корабль. / Ни слёзоньки из глаз!». Несколько трогательных стихотворений посвящены рождению сына и материнским радостям. Есть стихи и о поэзии, и такие, что устремлены в то светлое завтра, в которое многим тогда верилось: «Про всё, что было, будет, есть, / большое и минутное, / – про нашу власть, про нашу честь, / про нашу верность трудную. / Ту, что несли из года в год, / как знамя изначальное, / не разменяв на анекдот, / на мелкое, случайное. / Нет многих правд – всего одна: / Октябрьским дням ровесница!».

Радуют писательницу и бывшие земляки. Хабаровское книжное издательство издаёт книгу «В тайге не плачут» с небольшой аннотацией: в ней, помимо биографических данных Казаковой, лестные слова: «Стихи поэтессы пользуются популярностью и хорошо известны любителям поэзии... Темы любви, верности гражданскому долгу по-прежнему занимают в творчестве поэтессы центральное место». Книжечка скромная, в бумажном переплёте, правда, в суперобложке, да и цена крошечная – пятнадцать копеек, и тираж не указан. Но писательница восприняла это как ценный подарок: сибиряки хотели отблагодарить её за любовь к своей земле.